

К. А. Якименко

Рецепция творчества А. С. Пушкина в произведениях Владимира Солоухина

В статье исследуется влияние литературного наследия А. С. Пушкина на творческий стиль и тематику произведений Владимира Солоухина. Анализируются пушкинские реминисценции и отсылки в произведениях Солоухина «Последняя ступень», «Письма из Русского музея», «Мать-и-мачеха», «Серафима», «Девочка на уресе моря», «Посещение Званки», «Время собирать камни», «Приговор». Указаны отсылки Солоухина к произведениям А. С. Пушкина «Я вас любил», «Евгений Онегин», «Земля и море» и др. Отмечается постоянное обращение к Пушкину в публицистике В. А. Солоухина, «заочный» творческий диалог писателя с поэтом (например, по поводу творчества Г. Р. Державина), общие творческие стратегии, биографические мотивы (например, мотив путешествия). Анализируются высказывания В. Солоухина литературоведческого характера о творчестве Пушкина. Показано, какое влияние оказывает наследие А. С. Пушкина на проблематику избранных произведений Солоухина, формирование сюжетного строя и образного ряда персонажей романа «Мать-и-мачеха» и лирической повести «Владимирские проселки».

Ключевые слова: В. Солоухин, рецепция, лирическая повесть, Пушкин, образ, творческий диалог, вдохновение, сюжет, личность, советская литература.

Для цитирования: Якименко К. А. Рецепция творчества А. С. Пушкина в произведениях Владимира Солоухина // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 53–65. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_53. EDN: WCKTLQ

На протяжении многих лет место Александра Сергеевича Пушкина в русской литературе остается неизменным: на пьедестале литературной иерархии, на недостижимой высоте. Пушкин является той самой константой, с которой начинается русская культура. Изучение творческого влияния Пушкина на последующие поколения литераторов – предмет неиссякаемой творческой и критической рецепции. Тем интереснее рассмотреть влияние личности Александра Сергеевича на творчество советского писателя Владимира Солоухина. Солоухин отличается от ряда писателей тем, что Пушкин был

для него живым собеседником, с которым писатель строил творческий диалог почти всю свою жизнь.

В советскую эпоху произведения Солоухина пользовались небывалым спросом. Читательскую аудиторию они подкупали искренностью, смелостью, а также той тематической направленностью, которая иной раз граничила с дерзостью. Произведения Солоухина «Письма из Русского Музея» и «Черные доски» стали настоящим откровением для советского читателя. Тема попрачного искусства, а именно иконописи, рассуждения о пользе для русского народа монархической системы управления, непринятие прогресса, смелое осуждение политики партии – все это вызывало у читателей СССР горячий отклик. К сожалению, сейчас известность писателя минимальна. Солоухин был «неудобным» писателем, который через собственную авторскую символику умел доносить до читателя то, что остается за скобками. Поэтому Солоухин мало переиздавался, а его роман «Последняя ступень» практически недоступен даже в современном медиaprостранстве и библиотеках.

Можно говорить о том, что научный анализ наследия Владимира Солоухина не осуществлен в полной мере, многие произведения не опубликованы, не определено место писателя в литературном процессе своего времени. Но, по словам известного журналиста В. Полякова, «Солоухин вернётся, он возвращается, он уже вернулся... Да и не уходил он никуда»¹.

Большую роль в изучении и популяризации творчества Владимира Солоухина сыграли работы литературоведов Е. Ю. Геймбух [4], В. П. Карташевой и Т. В. Рыбаковой [6], К. И. Кушнир [7], Н. А. Костюк [8], Т. В. Рыбаковой², К. И. Суховой³, Е. А. Федосовой⁴, С. Р. Хамхоева [13], О. С. Ширяевой⁵, а также деятельность сотрудников музейно-выставочного центра имени В. А. Солоу-

¹ Статья В. Полякова «Солоухин возвращается» посвящена 30-летию со дня смерти В. Солоухина. См.: Литературная газета. 2017. № 13 (6592) (05.04.2017). Электронный ресурс. URL: <https://lgz.ru/article/soloukhin-vozvraschaetsya/> (дата обращения: 01.08.2025).

² Рыбакова Т. В. Архитектоника текста лирико-философской прозы «Камешки на ладони» В. А. Солоухина // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 12 (150). Электронный ресурс: URL: <https://research-journal.org/media/articles/15639.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Сухова К. И. Вербализация образа малой родины в лирике В. А. Солоухина: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 195 с.

⁴ Федосова Е. А. Мотивы творчества и словесная живопись в прозе Владимира Солоухина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 176 с.

⁵ Ширяева О. С. Душа как ключевое слово русской культуры: на материале произведений Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Солоухина, В. Распутина: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 236 с.

хина в родном селе писателя Алепино Владимирской области, организующих содержательные мероприятия и конференции, посвященные жизни и творчеству Солоухина.

Для восполнения пробелов в анализе наследия В. Солоухина актуальным представляется изучение его произведений в контексте творчества А. С. Пушкина, влияние которого прослеживается во многих произведениях писателя.

Материалы и методы

В статье исследуется влияние эстетики А. С. Пушкина на творчество Владимира Солоухина. Анализируются пушкинские реминисценции в произведениях Солоухина «Последняя ступень», «Письма из Русского музея», «Мать-и-мачеха», «Серафима», «Девочка на урезе моря», «Посещение Званки», «Время собирать камни», «Приговор». Привлекается к анализу и документальная проза писателя, так как Солоухин одним из первых начал развивать в литературе жанр нон-фикшн, «подняв жанр психологического очерка на уровень интеллектуальной элитарной прозы» [5, с. 112]. В повести «Последняя ступень» анализируются также и политические взгляды А. С. Пушкина о монархии как идеальной форме власти, которые разделял Солоухин. Повесть была написана в 1976 году, однако Солоухин при жизни не включал это произведение в свои сборники, так как концепция повести противоречила советской реальности. В 1995 году «Последняя ступень» дополнилась авторскими правками, а затем была издана отдельной книгой. В исследовании применяется сравнительно-исторический метод и приемы рецептивной эстетики.

Результаты

Солоухин, разделяя не только творческие, но и политические взгляды Пушкина, всегда видел в нем единомышленника. Так, в своем романе «Последняя ступень» Солоухин как убежденный монархист, размышляя о самодержавии, приводит в пример слова Пушкина: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас

не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти. Государство без полномощного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит» [12, V, с. 78]. Советский писатель Солоухин не скрывал своих монархистских взглядов. На писательских собраниях он открыто демонстрировал перстень с изображением Николая Второго, не боясь общественного порицания. Постоянно призывал русский народ к духовному объединению, верности национальным святыням, говоря о том, что «населением могут править и генсеки, а вот народом – только монарх!» [12, V, с. 98]. В своей публицистике Солоухин сокрушался о потере исторических связей между поколениями, о разрушенных русских церквях, утраченных иконах, которые уничтожались большевиками без сожаления.

Самой страшной душевной раной для писателя, которая болела всю жизнь, стал снос Храма Христа Спасителя в Москве. Этот факт и события, связанные с кошунственной беспечностью советских властей – разграбление могил известных деятелей культуры, переименование исторических названий колхозов, деревень, улиц, а также забвение своей собственной истории, – отразились в знаменитом очерке «Письма из Русского музея». Очерк стал посланием потомкам: нужно остановиться и подумать о своих корнях, о губительном влиянии прогресса на душу человека. Владимир Солоухин, сравнивая в очерке два русских города – Ленинград и Москву, постоянно делает отсылку к знаменитым пушкинским строкам, знакомым каждому русскому человеку: «Москва, как много в этом звуке для сердца русского слилось» и «Люблю тебя, Петра творенье» [12, III, с. 7]. Поэт Пушкин для Солоухина в его вопросе – какой же город ему ближе – становится советчиком, на авторитет которого Солоухин полагается.

Часто Солоухин прибегает к ироничной манере спора с Пушкиным: «За что Александр Сергеевич так нещадно расправляется на своих страницах с лизоблюдами и пресмыкающимися перед миром сильных? Потому что сам терпеть не мог таких товарищей. А я вот поспорю с Пушкиным. Хоть качества

и впрямь на редкость малодостойные, в современном мире они часто еще слагаемые успешной карьерной лестницы» [12, II, с. 111]. Разрешает себе Солоухин и несколько вольно общаться с гением, что вполне органично для Солоухина-юмориста. Но любит Пушкина Солоухин именно за созвучность поэта собственным мыслям: Солоухин переживал, что у нового поколения молодых людей нет должного патриотического чувства, оттого «вырастают из таких невежд те, кто церкви взрывают, да могилы писателей с землей равняют» [14, с. 36]. Чувство родного дома, по мнению Солоухина, исходит из «собственного чувства к родной земле. Если внимательно прислушаться к себе, то мы увидим, что это чувство не стихийно, что оно организовано культурно, ибо питалось не только стихийным созерцанием природы, но и воспитывалось всем предыдущим искусством, культурой. Классический образец Пушкина «Люблю Отчизну я, но странною любовью» – это пример такого нравственного воспитания с самого детства» [13, III, с. 368].

В рассказе «Посещение Званки» Солоухин рассказывает о родовом поместье Державина, которое, к сожалению, наряду со многими усадьбами знаменитых поэтов предано забвению. Рассуждая о биографии Державина, Солоухин поднимает литературоведческий вопрос о недостаточной изученности творческих связей Державина и Пушкина, так как многие литературоведы игнорируют эту тему, кроме упоминания того факта, что Державин слушал молодого выпускника Лицея на экзамене. «А между тем Пушкин знал своего предшественника досконально», – говорит Солоухин и приводит в пример пушкинское подражание Державину в строках «Вошел: и пробки в потолок», «Гремит музыка, слышны хоры» [13, III, с. 321].

Анализируя творчество обоих поэтов, Солоухин позволяет себе такое замечание, что Державин, стихи которого Солоухину кажутся тяжеловатыми, явился неким «подстрочником» для Пушкина [13, III, с. 323]. На помощь своему суждению он призывает самого Пушкина: «Ну вот смотрите, сам Пушкин и говорит о Державине»: “Читая его, кажется, что читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника” [13, III, с. 323]. Солоухин тут же вторит Пушкину: «Какой же чудесный перевод мерещился Пушкину за державинской тяжеловесной строфой?» [13, III, с. 324]. Вероятно, подлинник

современного Пушкину русского поэтического языка. Но ведь Пушкин этот язык фактически и создал. То есть, по мнению Солоухина, Пушкин и есть «переводчик» Державина, создавший «чудесный подлинник». Это достаточно вольное утверждение нельзя считать за литературоведческую аксиому. На самом деле, Солоухин настолько ценит гений Пушкина, что все поэты кажутся ему лишь декорациями к пушкинскому таланту. Это, конечно, очень самонадеянно с точки зрения литературоведения, но по-человечески можно понять симпатию Солоухина к Пушкину-поэту. Солоухин говорит о том, что биография Пушкина во многом определяла его творческие устремления, хотя писатель категорически против отождествления Пушкина-автора с его героями: «Онегин или Германн – не Пушкин, само-собой, но если бы Пушкин не был страстным любителем картежной игры, то и Германн не погиб бы из-за карт» [13, III, с. 553]. Здесь нельзя не вспомнить концепцию М. М. Бахтина, где он говорит о том, что автор «завладевает» героем [2]. Произведения Солоухина более биографичны, повествователь в произведениях Солоухина приближен к мироощущению самого автора, так как «автор уже связан внутреннею логикой выбранного, которую он и должен раскрыть в своем изображении» [1, с. 345]. В целом, можно согласиться и с мнением В. В. Виноградова о том, что в «образе автора, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения» [3, с. 133]. В этом смысле произведения Солоухина всегда в той или иной степени автобиографичны.

Продолжая эту мысль, нельзя не вспомнить одно из главных произведений в творческом наследии Солоухина – роман «Мать-и-мачеха». При автобиографичности текстов Солоухина, писатель в этом романе наделяет главного героя теми человеческими качествами, которые не импонируют ему самому: Дмитрий Золушкин достаточно безвольный, эгоцентричный карьерист, который в борьбе за личное счастье отдается на волю судьбы, а при первых трудностях задумывается о самоубийстве. Жизнь заставляет обычного парня из деревенской глубинки непременно выбирать между совестью и искушением славой, карьерным взлетом или человеческим достоинством. У Солоухина эти понятия диаметрально

противоположны. И главный герой часто терпит поражение в личном поединке с собственными страстями. Это же касается и отношений с противоположным полом. У главного героя Дмитрия Золушкина любовь похожа на постоянное испытание: сначала экзамен он проходит на предмет доступа в аристократический дом Гели, возлюбленной героя. Девушка – типичная представительница столичной богемы, которая в самом начале знакомства кажется Золушкину недоступной и гордой. Геля постоянно заставляет Дмитрия доказывать, что он достоин ее благосклонности. В центре повествования некий любовный треугольник, состоящий из самого Золушкина, девушки Гели и молодого аспиранта, подающего надежды в научной сфере. Солоухин в шутовском тоне говорит о своем герое, который оказался в гостях у своей девушки: «Онегин и тот бы струхнул от такого взыскательного взгляда бывшей модистки, а теперь заведующей библиотекой, а поди знай и будущей тещи. Золушкин судорожно сглотнул вязкую слюну и мысленно пробежался в памяти по именам писателей–поэтов, но, как назло, ничего в голову не лезло, хоть стреляйся. Но здесь предстоит серьезная дуэль, самоотводом не отделаешься» [12, VII, с. 151]. Фигура Онегина упомянута здесь в ироничном ключе как знак несостоятельности Золушкина. Текст «Мать-и-мачехи» содержит отсылку к стихотворению Пушкина «Я вас любил». Схожесть пушкинского героя стихотворения «Я вас любил» и героя «Мать-и-мачехи» заключается в том, что и Золушкин, и лирический герой Пушкина говорят о душевной, а не физической любви. Так, Золушкин отказывается от ночи с Гелей, которая не придает этой стороне личных взаимоотношений должного значения, с точки зрения Золушкина. И это становится первым разочарованием Дмитрия в любимой. В конце отношений с Гелей, как бы ставя для себя последнюю точку, он произносит фразу из стихотворения: «Как дай Вам Бог любимой быть другим!» [12, VII, с. 291]. Фраза свидетельствует о том, что чувство, которое Золушкин испытывал к возлюбленной, исчерпало себя. Таким образом, можно сделать вывод о том, что и Пушкин, и Солоухин боготворят любовь, оценивают ее как высшее чувство, способное изменить человека. Но если у Пушкина любовь меняет лирического героя в лучшую сторону, и он смиренно при-

нимает любой исход отношений и благословляет любимую на новое чувство, то у Солоухина Золушкин не становится лучше, напротив, в постоянном соревновании с самим собой он становится злым и замкнутым. Все, чего хочет главный герой, – поскорее закончить эти отношения. И тогда Золушкин вспоминает о своей первой любви, девушке Шура, которую он оставил в деревне. Шура казалась ему слишком юной и неопытной. С удивлением Золушкин замечает, что Шура Куделина расцвела и выделяется среди деревенских девушек красотой и уверенностью: «Дмитрий сразу поймал глазами голову Шуры Куделиной, да и как ее было не поймать, если она, и без того чуть-чуть повыше других, положила еще поверх головы, и не положила даже, а поставила ребром тяжелую, как кистень, золотистую косу» [12, VII, с. 214]. Здесь возможна прямая аналогия с Татьяной Лариной, которая также стала предметом снисходительной насмешки Онегина. Золушкин возвращается в деревню и видит, как изменилась вчерашняя девчонка Шура. У нее много поклонников, и с болью в душе Золушкин понимает, что Шура вряд ли когда-то будет с ним. Подобно Онегину, мечется он между городом и своей родной деревней, которая тоже не принимает его. Золушкин в смутении ищет защиты у природы. И находит объяснение законам мироздания у цветка мать-и-мачехи: «Спасибо тебе, чудесный цветок! ты разбудил меня от тяжелого сна. Но я снова уйду туда, в каменные, железные ущелья, к заколоченным деревенским избам, на пристани и вокзалы, на проселки и большаки. Ведь и воин твой не вечно же умилялся, но препоясал чресла мечом, благословленный на великую смертельную битву. Да, на вечности твоей, на бессмертии твоим я примерил свои человеческие дела» [12, VII, с. 318]. Золушкин проиграл бой за свою истинную возлюбленную в погоне за мнимой любовью. Но он не хочет сдаваться, а поэтому главная битва впереди. Солоухин оставляет, подобно Пушкину, открытым финал, предлагая читателю самому домыслить дальнейший ход событий.

Один из самых пронзительных рассказов в творчестве Солоухина «Девочка на уресе моря» в самой первой своей редакции был предварен эпиграфом – строками из стихотворения Пушкина «Земля и море»: «А я в надежной тишине / Внимаю шум ручья долины». В этом рассказе Солоухин поднимает

совсем «не академическую» для литературы, но очень важную и болезненную для многих женщин тему аборта, что в советское время было довольно смелым поступком. В центре повествования Катя, хозяйка частного дома. Она доверительно беседует с писателем о своем намерении сделать аборт, а в голове автора есть доводы и «за», и «против» ее решения. Сам Солоухин был десятым ребенком в семье и отцом двух дочерей, поэтому в своей беседе с женщиной четко обозначает свою позицию: нет такого права у человека – отнимать жизнь. На что женщина резонно замечает, что «...и двоих-то еле-еле подняли! Хочется для себя каких-то впечатлений! Вон на море живем, а море-то и не видим совсем. Так... Больше вот на ключ ходим!» [13, II, с. 573]. Собеседник же неумолим и настаивает на том, что при принятии такого важного решения женщина должна быть милосердной. На этом разговор заканчивается, и герой Солоухина уезжает домой. Обстоятельства жизни через много лет заставляют его опять приехать в этот южный город, где он отыскивает знакомый дом и хозяйку, с которой вел тот непростой для обоих разговор. И тут герой с ужасом замечает, что женщина решила оставить ребенка, на что, возможно повлиял давний разговор с ним, но у девочки порок при рождении – заячья губа. Солоухинский герой думает, что женщина наверняка пожалела о своем решении, но неожиданно он видит, что Катя ласкает и целует ребенка: «Меня обожгло стыдом за то, что четверть часа назад я так дурно думал о Кате, а вместе с ней – и обо всех человеческих матерях» [13, II, с. 581].

Интересно, что для эпиграфа было выбрано именно такое стихотворение Пушкина, где противопоставляется стихия моря и «шум ручья». Можно предположить, что стихия моря – своего рода буря в душе женщины в непростой ситуации, когда нужно делать выбор между комфортом, удобством и рождением ребенка. В конце концов, получается, что для Кати, несмотря на рождение ребенка с особенностью внешности, вот этот родник материнства, простой, доступный и понятный – источник радости и женского счастья, где ее душа отдыхает. При физическом недуге человеческие качества девочки настолько хороши, что автор делает на этом акцент и считает, что когда-то из этого ребенка вырастет достойный человек. Подобная проблема коснулась и Пушкина. Так, Солоухин от-

мечает, что в биографии Пушкина образ «прекрасного лебедя, вылупившийся из толстого неповоротливого “Сашки”, разрабатывался многими авторами современности» [12, VII, с. 699].

Вообще в детских образах Солоухина внешняя некрасивость сполна компенсируется высокими человеческими качествами. Так, в рассказе «Серафима» из дурнушки вырастает «прекрасный лебедь»: «Тут мы с удивлением увидели, что Симка-то похорошела. Куда делась вчерашняя угловатость? Перед нами была миловидная девушка, с очень выразительным взглядом раскосых серых глаз. Как в самых невероятных рассказах, которые нашептывала няня перед сном, из дурнушки явился нам прекрасный лебедь» [11, V, с. 709]. Здесь мы видим прямую отсылку к биографии Пушкина и к его любимой няне Арине Родионовне.

В 1956 году Владимир Солоухин совершает удивительное путешествие по родным местам Владимирского края. Результатом этого путешествия явилась лирическая повесть «Владимирские проселки», где в форме своеобразных путевых заметок автор делится с читателем своими размышлениями о родном крае. Солоухин, конечно, же не мог не знать того факта, что и Пушкин был заядлым путешественником. Об этом Солоухин упоминает на страницах «Владимирских проселков»: «Особенно стыдно не знать родного края, когда в мире неизобретали столько удобных вещей – автомобиль, к примеру, скоростные поезда... Наши бы возможности да Александру бы Сергеевичу в его грезях о заграничных поездках, которые так и остались мечтами» [13, I, с. 9]. Повесть напоминает путевой дневник, в котором автор фиксирует все свои наблюдения о жителях родного края, а также делает экскурс в свое детство, соотнося свои детские впечатления с настоящими реалиями. Именно в этом произведении можно встретить упоминание о Пушкине как о путешественнике, который по-своему вдохновил Солоухина на такой поход по Владимирской земле.

Обсуждение и выводы

Изучение творческого влияния Пушкина на классиков и современных писателей – актуальная литературоведческая проблема, предмет творческой и критической рецепции. Мы рассмотрели влияние личности Пушкина и его наследия

на творчество советского писателя Владимира Солоухина. Проанализированы формы использования пушкинских текстов в произведениях Солоухина «Последняя ступень», «Письма из Русского музея», «Мать-и-мачеха», «Серафима», «Девочка на урзе моря», «Посещение Званки», «Время собирать камни», «Приговор». Изучение публицистики и художественной прозы Солоухина показало наличие индивидуальной авторской стратегии творческого диалога Солоухина с классиком. Установлены разные формы этого взаимодействия: внутренний диалог-беседа с поэтом, реминисценции, эпиграфика, цитация, контекстуальные отсылки к текстам Пушкина.

Для Владимира Солоухина Александр Сергеевич Пушкин стал именно другом, советчиком, учителем. Их творческий диалог продлился много лет, так как почти в каждом из созданных произведений Солоухина можно встретить отсылку к творчеству Пушкина. Творчество Пушкина стало для Солоухина своеобразной константой, к которой он так или иначе всегда обращался.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2000. – Т. 1. – С. 69–265.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. – М.: Русские словари, 1997–2012. – Т. 5. – С. 159–207.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
4. Геймбух Е. Ю. Лирическая прозаическая миниатюра в сборнике В. А. Солоухина «Камешки на ладони» // Отечественная филология. – 2025. – № 2. – С. 29–35.
5. Запевалов В. Н. Солоухин В. А. Русские писатели XX века: биографический словарь. В 2 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. – М.: Просвещение 1998–1999. – Т. 1. – С. 661–662.
6. Карташова Е. П., Рыбакова Т. В. Афористичность авторского сознания в жанре «лирико-философской миниатюры» (В. В. Розанов и В. А. Солоухин) // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18. – № 3. – С. 388–395. DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-3-388-395.
7. Кушнир К. И. Языковое воплощение основных стихий в стихотворных текстах В. Солоухина (на примере стихии «Огонь») // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики. – 2017. – № 4. – С. 12–13.
8. Костюк Н. А. Научное и художественное постижение мира в прозе В. Солоухина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 55–60.
9. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи // Эстетика слова и язык писателя. – Л.: Худож. литература, 1974. – С. 28–53.
10. Литвинов М. В. Солоухин В. А. // Русские писатели XX века. Биографический словарь. В 2 т. / Под ред. П. А. Николаева. – М.: Книгоиздательство писателей, 2000–2001. – Т. 1. – С. 663.

11. Солоухин В. А. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Художественная литература, 1984.
12. Солоухин В. А. Собрание сочинений в 8 т. – М.: Русский мир, 2005.
13. Солоухин В. А. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Русский мир, 2011.
14. Хамхоев С. Р. Воздействие природы на человека в малой прозе Владимира Солоухина // Национальная ассоциация ученых. – 2023. – № 2. – С. 35–37.

Kristina Yakimenko

Reception of the Works of A. S. Pushkin in the Works of Vladimir Soloukhin

The article examines the influence of the literary heritage of A. S. Pushkin on the creative style and themes of Vladimir Soloukhin's works. The article analyzes Pushkin's reminiscences and references in Soloukhin's works *The Last Step*, *Letters from the Russian Museum*, *Coltsfoot*, *Seraphima*, *Girl on the Waterfront*, *Visit to Zvanka*, *Time to Gather Stones*, *The Verdict*. Soloukhin's references to the works of A. S. Pushkin *I Loved You*, *Eugene Onegin*, *Land and Sea*, etc. are indicated. The article notes the constant reference to Pushkin in V. A. Soloukhin's journalism, the "correspondence" creative dialogue between the writer and the poet (for example, regarding the work of G. R. Derzhavin), common creative strategies, and biographical motifs (for example, the motif of travel). The article analyzes V. Soloukhin's literary statements about Pushkin's work. It is shown what influence the legacy of A. S. Pushkin has on the problems of Soloukhin's selected works, the formation of the plot structure and imagery of the characters of the novel *Mother-and-Stepmother* and the lyrical story *Vladimirskie Proselki*.

Key words: V. Soloukhin, reception, lyrical story, Pushkin, image, creative dialogue, inspiration, plot, personality, Soviet literature.

For citation: Yakimenko, K. A. (2025) Recepciya tvorchestva A. S. Pushkina v proizvedeniyah Vladimira Soloukhina [Reception of the Works of A. S. Pushkin in the Works of Vladimir Soloukhin]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 53–65. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_53. EDN: WCKTLQ

References

1. Bahtin, M. M. (2000) Avtor i geroj v esteticheskoj deyatelnosti [Author and Hero in Aesthetic Activity] *Bahtin M. M. Sbornie sochinenij* [Bakhtin M. M. Collected Works]. Moscow: Russkie slovari; YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ. Vol. 1. Pp. 69–265. (In Russian).
2. Bahtin, M. M. (1997–2012) Problema rechevyh zhanrov [The Problem of Speech Genres] *Bahtin M. M. Sbornie sochinenij v 7 t.* [Bakhtin M. M. Collected Works in 7 volumes]. Moscow: Russkie slovari Publ. Vol. 5. Pp. 159–207. (In Russian).
3. Vinogradov, V. V. (1959) *O yazyke hudozhestvennoj literatury* [On the Language of Fiction]. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian).
4. Gejmbuh, E. YU. (2025) Liricheskaya prozaicheskaya miniatyura v sbornike B. A. Soloukhina «Kameshki na ladoni» [Lyrical Prose Miniature in the Collection of V. A. Soloukhin "Pebbles on the Palm"]. *Otechestvennaya filologiya – Domestic Philology*. No. 2. Pp. 29–35. (In Russian).
5. Zapevalov, V. N. (1998–1999) Solouhin V. A. [Soloukhin V. A.] *Russkie pisateli XX veka: biograficheskij slovar'. V 2 t. / Pod red. N. N. Skatova* [Russian writers of the twentieth century: a biographical dictionary. In 2 volumes, ed. by N. N. Skatov]. Moscow: Prosveshchenie Publ. Vol. 1. Pp. 661–662. (In Russian).
6. Kartashova, E. P., Rybakova, T. V. (2024) Aforistichnost' avtorskogo soznaniya v zhanre «liriko-filosofskoj miniatyury» (V. V. Rozanov i V. A. Solouhin) [Aphoristic nature of the author's consciousness in the genre of "lyric-philosophical miniature" (V. V. Rozanov and V. A. Soloukhin)] *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Mari State University*. Vol. 18. No. 3. Pp. 388–395. (In Russian). DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-3-388-395.

7. Kushnir, K. I. (2017) YAzykovoe voploshchenie osnovnykh stihij v stihotvornykh tekstah V. Solouhina (na primere stihii «Ogon'») [Linguistic embodiment of the main elements in the poetic texts of V. Soloukhin (on the example of the element "Fire")]. *Aktual'nye problemy sovremennoj filologii i zhurnalistiki – Actual problems of modern philology and journalism*. No. 4. Pp. 12–13. (In Russian).

8. Kostyuk, N. A. (2019) Nauchnoe i hudozhestvennoe postizhenie mira v proze V. Solouhina [Scientific and artistic comprehension of the world in the prose of V. Soloukhin]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk State University*. No. 3. Pp. 55–60. (In Russian).

9. Larin, B. A. (1974) O raznovidnostyakh hudozhestvennoj rechi [On the varieties of artistic speech] *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the word and the language of the writer]. Leningrad: Hudozh. Literatura Publ. Pp. 28–53 (In Russian).

10. Litvinov, M. V. (2000–2001) Solouhin V. A. [Soloukhin V. A.] *Russkie pisateli XX veka. Biograficheskij slovar'. V 2 t. Pod red. P. A. Nikolaeva* [Russian writers of the XX century. Biographical dictionary. In 2 volumes. Ed. P. A. Nikolaev]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisatelej Publ. (In Russian).

11. Solouhin, V. A. (1984) *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).

12. Solouhin, V. A. (2005) *Sobranie sochinenij v 8 t.* [Collected Works in 8 vols.]. Moscow: Russkij mir Publ. (In Russian).

13. Solouhin, V. A. (2011) *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. Moscow: Russkij mir Publ. (In Russian).

14. Hamhiov, S. R. (2023) Vozdejstvie prirody na cheloveka v maloj proze Vladimira Solouhina [The Impact of Nature on Man in the Short Stories of Vladimir Soloukhin]. *Nacional'naya associaciya uchenykh – National Association of Scientists*. No. 2. Pp. 35–37. (In Russian).

Об авторе

Якименко Кристина Александровна, аспирант, Литературный институт имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); e-mail: Queen16@rambler.ru; ORCID ID: 0009-0001-8555-5368

About the Author

Kristina Yakimenko, Postgraduate Student, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Moscow, Russian Federation); e-mail: Queen16@rambler.ru; ORCID ID: 0009-0001-8555-5368

дата получения: 24.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 24 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025